

**ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1**

В. В. Цуркан¹,
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru*

**Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть»
в постмодернистской пушкинистике 1960–1970-х гг.**

Статья посвящена изучению структурно-семантических изменений в концепте «Пушкин» в «знаковых» текстах русского постмодернизма. Автор исследует динамику мотивов жизни и смерти, анализирует взаимодействие концептов «Пушкин», «смерть», «творчество» в «Прогулках с Пушкиным» А. Терца и в романе «Пушкинский дом» А. Битова.

Ключевые слова: концепт, Пушкин, модернизм, деконструкция, постмодернизм

Диалог с Пушкиным является одной из общепризнанных характеристик русского постмодернизма. Вмешавший в себя разнообразные трактовки жизни и творчества поэта (от «гиганта первой марки до полного ничтожества» [11, 377], от сочинителя до пророка, от освободителя крестьян до героя анекдотов), «персонический» концепт «Пушкин» в русском постмодернизме стал «одним из самых гибких объектов, допускающих различные коммуникативные стратегии для его интерпретации и трансляции» [16, 54].

Многообразие понятийного, ассоциативного, мифологического и символического наполнения компонента концепта «Пушкин» не раз отмечались литературоведами [14]. Анализ онтологических, гносеологических и аксиологических аспектов изучаемого феномена посвящена работа Т. Шеметовой «Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов» [17]. Исследователь определяет концепт «Пушкин» как один из базовых концептов, формирующих контуры русской национальной картины мира.

---

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

На рубеже 1960–1970-х гг. в процесс «вторичного моделирования» концепта активно включились пришедшие в литературу в период свертывания «оттепели» и стоявшие у истоков русского литературного постмодернизма А. Терц и А. Битов. Весьма непохожие друг на друга художники (блестящий сатирик, чья проза восходила к творчеству к Н. Гоголя и М. Салтыкова-Щедрин [10], и ощущавший себя носителем особой культурной миссии ленинградский писатель-интеллектуал) остро ощущали потребность сказать свое слово о Пушкине, освободить произведения поэта от напластования различных идеологий.

Нелегкая судьба диссидента, «сделавшего пародию из своего имени, мистерию из своей профессии, философский диалог из своей жизни» [8, 123], явилась для А. Терца поводом самозабвенно написать о появлении на публике Пушкина «в виде частного лица, которое ни от кого не зависит и никого не представляет, а разгуливает само по себе, заговаривая с читателями прямо на бульваре: «Здравствуйте, а я – Пушкин!» [11, 342]. В то время как А. Терц, подобно Хлестакову, пребывал с Пушкиным «на дружеской ноге», А. Битов с его известным «пушкинофильством» апологизировал личность поэта и видел в его творчестве «истину» и «божественную норму» [17, 15]. В романе «Пушкинский дом» (1964–1971) писатель интерпретировал феномен Пушкина как своеобразный ключ к пониманию действительности.

В пушкинистике А. Терца и А. Битова трансформации подверглись как семантика, так и структура концепта. В эпоху распада целостностей, подмен высокого низким оба художника оспорили антитезу «Пушкин – все» / «Пушкин – ничто», видя в данной бинарности некорректное упрощение. Постмодернистский релятивизм сказался и в переосмыслении концептуальной оппозиции жизнь/смерть, находящейся на периферии концепта «Пушкин». Признавая оптимистический характер творчества кумира (чего только стоит эпиграф к «Прогулкам», предвосхищающий все последующие за ним «враки!»), А. Терц и А. Битов указывали и на «ночную» сторону пушкинского творчества. Мотивы жизнеутверждения и жизнеотрицания в поэзии Пушкина, актуализированные в статьях русских поэтов и мыслителей на рубеже XIX–XX столетий, оказались близки эстетическим исканиям писателей, принадлежавших эпохе, о которой очень точно сказал Ю. Мамлеев: «Никогда в истории душа человеческая не была так предоставлена самой себе, отрезана от традиции, религии, поставлена не перед Богом (она оторвана от него), а перед Неизвестным. Это ситуация абсолютной свободы, тождественной абсолютной несвободе. И это не только

отрицательная, но и творческая ситуация, содержащая в себе вызов, последнее испытание» [7, 27].

Одним из первых этот вызов принял А. Терц. Его «Прогулки с Пушкиным» (1966–1968) были написаны в Дубровлаге, где писатель отбывал срок за «стилистические» разногласия с советской властью. Создание книги в столь сложных обстоятельствах привело к тому, что в центре внимания ее автора оказалась экспериментальная ситуация: жизнь Пушкина у порога смерти. Судьбу поэта А. Терц представил и как неумолимое движение к концу («Пушкин умер в согласии с программой своей жизни» [11, 362], и как захватывающую игру – постоянную «проверку жребия, экспромт, провокацию» [11, 361]. Проигрышем здесь обеспечивались чистота жанра, искренность и неистовость самой игры: «Его конец напоминал его начало: мальчишка и погиб по-мальчишески, в ореоле скандала и подвига, наподобие Дон-Кихота» [11, 362]. Дуальная пара жизнь/смерть для А. Терца становится «пространством спора земного и небесного, великого и малого, высокого и низменного» [14, 170].

Согласно материалистической логике, процесс жизни в силу своего внутреннего отрицания неизбежно приводит к смерти. В философии, на которую ориентирован модернизм, данные явления рассматриваются как внутренне взаимосвязанные противоположности. В художественном мире «Пушкинского дома» А. Битова, где все движется в неопределенную, незамкнутую перспективу, этический релятивизм становится одной из главных форм оппозиции действительности. Возможно, поэтому Модест Платонович Одоевцев, прошедший через репрессии и сталинские лагеря, интерпретирует дуэль Пушкина как событие, исполненное позитивной энергии: «Гибель – есть слава живого! <...> Она есть гений-смотритель истории человека. Народный художник Дантес отлил Пушкина из своей пули» [3, 352]. Жизнь и смерть представляются герою константами, полноценно подменяющими друг друга, образующими целое, в котором «незримое» становится явью, а метафизический процесс рассеивания обретает физическую плоть. В отказе от жизни Одоевцев-старший видит высшую степень жизнеутверждения. Смерть, «ничто» в его истолковании эквивалентны не отсутствию и негативности, но развитию, являются способом борьбы с хаосом.

С «кощунственными» утверждениями деда перекликаются строки из битовского стихотворения «Похороны семени», созданного в год, когда работа над романом была завершена: «Мне надо умирать ежесекундно! / Мне хоронить себя так неопасно, / как разве дерево хоронит семена... / Их подлинно бессмертье: без разрыва / из смерти –

жизнь. Таит в себе дискретность/ наличие души...» [4, 358]. Не менее остра и иронична трактовка смерти в публицистике А. Терца. В экзистенциально окрашенных «Мыслях вслух» писатель-философ замечает: «Человек живет для того, чтобы умереть. Смерть сообщает жизни сюжетную направленность, единство, определенность. Она – логический вывод, к которому приходят путем жизненного доказательства, не обрыв, но аккорд, подготавливаемый задолго, начиная с рождения <...> Пока мы не умерли, нам всегда чего-то недостает. Конец – всему делу венец <...> Человеческая судьба в идеале уловлена в жанре трагедии, которая ведь и разыгрывается по направлению к смерти» [11, 332].

Подобно тому, как философия, история, психоанализ регулярно обращаются к литературным примерам, «считая их авторитетными источниками для утверждения той или иной танатологической модели» [6, 26], литература постоянно апеллирует к философии [9]. Устремленность к гибели, парадоксально направленная от конца, в работах западноевропейских мыслителей характеризуется термином «бытие – к – концу», заключенное в форму избегания конца. В этой ситуации, поясняет М. Хайдеггер, зрелище чужой смерти трансформирует неизбежность *моей* смерти в неизбежность смерти *другого* [13, 398]. Данный парадокс, возможно, объясняет шокирующие рассуждения А. Терца о «провоцирующем» присутствии трупов в пушкинских сочинениях, начиная с «мальчика, кровоточащего в Угличе» [11, 375]. Феномен смерти рассматривается в «Прогулках...» как «источник действия» и как его «катализатор», ведь при мертвом, утверждает писатель, «все происходит куда веселее, лихорадочнее, интереснее» [11, 376]. В «Мыслях вслух» эти наблюдения подкрепляются новыми доводами. По мнению А. Терца, «умершие, в отличие от живых, уже выкрутились из промежуточного положения, обрели ясно очерченные характеры, дожили, довоплотились» [11, 333].

Опрокидывая иерархию, заданную оппозицией, уравнивая жизнь и смерть в концепте «Пушкин», А. Терц и А. Битов стремятся к преобразованию бинарной структуры. Следствием этого является изменение семантики концептуальной пары, ибо, как замечал идеолог деконструкции Ж. Деррида, «нельзя без последствий заменить власть одного из членов этой оппозиции властью другого» [5, 9]. Полемизируя с модернистской трактовкой творчества жизни поэта, писатели-постмодернисты актуализируют в пушкинской биографии ситуацию «творчества» смерти. А. Терц в «Прогулках» исследует этапы «художественно законченной гибели» [11, 390] Пушкина,

утверждая, что они обладают и «сбалансированной композицией» [11, 388], и неповторимой «стилистикой»: «Смерть на дуэли настолько ему (Пушкину) соответствовала, что выглядела отрывком из пушкинских сочинений» [11, 362]. Финал земного пути художника сопоставляется писателем с «маленькой трагедией», которую Пушкин «не раз репетировал вместе с Пугачевым, Самозванцем или Дон Гуаном, по собственной воле пригласившим смерть на свой любовный ужин» [11, 428].

А. Битов, изображая безумие героя «Пушкинского дома», отождествляемое с сумасшествием гения, наглядно показывает, как Левин «ничто» преобразуется в пушкинское «все», наполняясь новым, креативным содержанием: «А уж как Лева стал виден! Так, что не увидеть его стало невозможно <...> от него отвалился белоснежный бакенбард – он был самым видным человеком на Земле! Его гнев, его страсть, его восстание и свобода...» [3, 330]. Во многом предвосхищая открытия западных философов, А.Битов репрезентирует «нулевую составляющую» образа Пушкина как главное условие рождения «синхронной с реальностью отражающей мысли» [3, 79]. «Ум – нуль. Да, да, именно нуль умен!», – заявляет Модест Платонович Одоевцев [3, 79].

Таким образом, понятия смерть, «ничто», «пустота», «черная дыра», «абсолютное отсутствие» интерпретируются писателями-постмодернистами и как первообраз «неистощимого душевного вакуума» [11, 376], не отменяющего, вместе с тем, уникальной пушкинской способности к преобразованию нерасчлененного бытия к существованию в форме, и как основной генератор творчества. О подобного рода пустоте, выводящей индивидуума за пределы смерти к новым творческим свершениям писал М. Фуко в «Археологии знания». Представляя «смерть бога» и «смерть человека» как единое *событие*, преодоление предела, высвобождающее мысль из оков, теоретик постмодернизма писал, что «в наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [12, 438]. Эта пустота есть «развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить» [12, 438].

Метафизике, основанной на диалектике противоположностей (духа и материи, идеального и реального) [2], постмодернистская пушкинистика противопоставила философию принципиальной нетождественности. В судьбе и личности Пушкина А. Терц и А. Битов увидели то «различное, которое не переходит друг в друга, обнаруживая какую-то другую, не диалектическую связь между собой» [1, 536]. Проведя десемантизацию устоявшихся формул, продиктованную необходимостью переопределения означаемого и заменив иерархические связи, формирующие структуру

концептуальной оппозиции, ризоматическими, писатели-новаторы истолковали антиномию «жизнь/смерть» как процессуальный и обладающий множеством незастывших децентрированных смыслов художественный феномен.

Литература

1. Арсланов, В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: *tertium datur* российской культуры XX века / В. Г. Арсланов. – М.: Культурная революция, 2007. – 656 с.
2. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней публицистике В. Распутина / М. Л. Бедрикова // *Libri Magistri*. Вып. 1. – 2015. – С. 174–184.
3. Битов, А. Г. Пушкинский дом. Роман / А. Г. Битов. – М.: Современник, 1989. – 399 с.
4. Битов, А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства / А. Г. Битов. – М.: Изд-во Независимая газета, 2002. – 544 с.
5. Деррида, Ж. Московские лекции – 1990 / Ж. Деррида. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – 90 с.
6. Красильников, Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа / Р. Л. Красильников. – Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. – 140 с.
7. Мамлеев, Ю. В. Опыт восстановления / Ю. В. Мамлеев // *Антология Гнозиса: современная русская и американская проза, поэзия, живопись, графика: в 2 т.* – СПб: МЕДУЗА, 1994. – Т. 1. – 1994. – 353 с.
8. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // *Вопросы литературы*. – 1990. – № 10. – С. 77–153.
9. Петров, А. В. Поэты и История: Очерки русской художественной историсофии: XVIII век: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – 268 с.
10. Постникова, Е. Г. М. Е. Салтыков-Щедрин – редактор, писатель, публицист. Учебное пособие / Е. Г. Постникова. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2015. – 138 с.
11. Терц, А. (Синявский, А.Д.) Соч.: в 2 т. / А. Терц. – М.: СП «Старт», 1992. – Т. 1. – 672 с.
12. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: «Acad», 1994. – 408 с.
13. Хайдеггер, М. Время и Бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 448 с.

14. Цуркан, В. В. Концепт «Пушкин» в романе А. Битова «Пушкинский дом» / В. В. Цуркан // Пушкин: Альманах / под. ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, 2004. – С. 196–205.

15. Цуркан, В. В. Концепт «игра» в творчестве А. Битова 1960–1970-х гг / В. В. Цуркан // Libri Magistri. – 2015. – Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – С. 168–174.

16. Шатин, Ю. Н. Пушкинский текст как объект культурной коммуникации / Ю. Н. Шатин // Русская литература в зеркале семиотики. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 49–54.

17. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т. Г. Шеметова. – М., 2011. – 48 с.

THE OPPOSITION “LIFE – DEATH” IN POST-MODERN
PUSHKINISTICS OF 1960–1970

V. V. Tsurkan

Abstract

The article is devoted to structural-semantic changes in the concept of “Pushkin” in the “iconic” texts of Russian postmodernism. The author studies the dynamics of the motifs of life and death, analyzes the interaction of the concepts of “Pushkin”, “death” and “creativity” in the “Strolls with Pushkin” by A. Tertz and the novel “Pushkin house” by A. Bitov.

Key words: concept, Pushkin, modernism, deconstruction, postmodernism